

История

Публикации Чжан Вэйцы о политике России в период «Движения за новую культуру»

© 2017

А.В. Ломанов

На примере взглядов китайского политолога Чжан Вэйцы (1890–1976) проанализирована эволюция отношения к России представителей прозападного течения внутри «Движения за новую культуру». Исследованы подходы Чжан Вэйцы к советскому послереволюционному законодательству 1919 года, его отношение к политическому экспериментированию в интересах обеспечения социальной справедливости. Рассмотрена позиция ученого в период дискуссии о России в 1925 г., основанная на трактовке НЭПа как свидетельства неудачи коммунистического эксперимента. Отмечен рост внимания Чжан Вэйцы к роли среднего класса как источника социальной стабильности.

Ключевые слова: Китай, социалистическая идеология, советское законодательство, дискуссия о «вражде к России и дружбе с Россией», НЭП, средний класс.

Октябрьская революция 1917 г. в России привлекла внимание деятелей китайского «Движения за новую культуру» к новшествам в политике соседней страны. Интерес к ним проявили не только влиятельные сторонники социалистической идеологии наподобие Ли Дачжао и Чэнь Дусю, но и представители либерального течения. Одним из них стал политолог Чжан Вэйцы (Чжан Цзусюнь, 1890–1976), опубликовавший в 1919 г. серию статей о новых законах Советской России.

В отечественной научной литературе второй половины XX в. Чжан Вэйцы упоминался как «Вэй Цы» или «Вэйцы» (этим именем были подписаны его публикации 1919 г.)¹ Личность автора установлена не была, анализ содержания статей проводился вне связи с воззрениями ученого и последующей эволюцией его взглядов на Россию. Да и в Китае к Чжан Вэйцы и его наследию большого интереса не проявляли². Важным шагом к возвращению идей ученого и сведений о его биографии в научный оборот стала публикация в 2015 г. сборника трудов Чжан Вэйцы в серии «Библиотека китайских мыслителей нового и новейшего времени»³.

Чжан Вэйцы родился в уезде Учзян провинции Цзянсу. В 1905 г. он поступил в Школу Чэнчжун в Шанхае, где познакомился с Ху Ши, ставшим впоследствии одной

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16–21–10001 «Идейно-культурное влияние России на “Движение за новую культуру” в Китае (1915–1925)».

из наиболее влиятельных фигур в интеллектуальных кругах республиканского Китая. Их дружба продлилась несколько десятилетий⁴.

В 1912 г. Чжан Вэйцы отправился на учебу в США, где получил степень доктора политологии в Университете Айовы. Весной 1917 г. вместе с Ху Ши он вернулся из Америки в Китай. Чжан Вэйцы стал преподавателем Пекинского университета, читал курсы по современным политическим системам, истории политической мысли и праву.

Первой публикацией Чжан Вэйцы летом 1919 г. стала серия статей о законах Советской России в газете «Мэйчжоу пинлунь» («Еженедельное обозрение»), главным редактором которой в то время был Ху Ши. Потом Чжан Вэйцы участвовал в издании еженедельника «Нули чжоубао» («Усилие»), созданного в мае 1922 г. Ху Ши. Чжан Вэйцы стал одним из подписантов манифеста «Наши политические устремления», отразившего политические взгляды Ху Ши и призвавшего к созданию в Китае «правительства хороших людей»⁵.

В 1925 г. Чжан Вэйцы принял участие в дискуссии о «враждебности к России и дружбы с Россией» (*чоу Э ю Э*), он также публиковал статьи о браке, семье и правах женщин. В 1926–1927 гг. написал ряд статей, посвященных политическим и социальным проблемам послевоенной Европы. В 1927 г. ученый покинул Пекинский университет и занялся управленческой работой на железнодорожном транспорте и в городской администрации. В 1930 г. болезнь заставила его перейти в Аньхуэйский университет, где он стал профессором и директором библиотеки.

В 1932 г. Чжан Вэйцы участвовал в создании Китайского общества политологии, впоследствии входил в его правление. В том же году он стал советником Министерства железных дорог, после начала войны с Японией перешел на работу в Комитет по ресурсам. После образования КНР он остался на материке, в 1955 г. стал сотрудником Шанхайской палаты литературы и истории.

Хотя период научного творчества Чжан Вэйцы продлился немногим более десятилетия (конец 1910-х — начало 1930-х), он оставил след в истории становления политологии в республиканский период. В 1923–1924 гг. он занимался изучением избирательной системы и политики Великобритании, другой важной темой стали проблемы городского управления в странах Запада.

В 1925 г. была опубликована книга Чжан Вэйцы «Система городской власти» (*Шичжэнь чжиду*). Он подчеркивал, что демократическая политика должна начинаться в городах. В то время многие китайские исследователи выступали за сельское самоуправление, однако Чжан Вэйцы настаивал, что в Китае следует начинать с урбанизации⁶. Ученый уделял большое внимание модели американского городского самоуправления, опирающейся на способность горожан своим силами создавать общественное движение, нацеленное на защиту собственных прав.

В начале 1930-х годов за время работы в Аньхуэйском университете Чжан Вэйцы подготовил к изданию несколько книг, наиболее значительными стали «Очерк политологии» (*Чжэньчжисюэ даган*, 1930) и «Конституция» (*Сяньфа*, 1930). В 1931 г. он опубликовал перевод работы британского политика и ученого Джеймса Брайса «Современные демократии» (*Сяньдай миньчжи чжэньти*).

Воззрения Чжан Вэйцы эволюционировали в направлении консерватизма. Либерал Ху Ши призывал осуществить в Китае ускоренный переход к конституционному правлению, дабы потом использовать его для обучения народа жизни в условиях демократии. Чжан Вэйцы поддержал официальную гоминьдановскую трактовку политического учения Сунь Ятсена, согласно которой переходу к конституционному правлению должен предшествовать период «опеки». Он также полагал, что демократические выборы не дают гарантии формирования эффективно функционирующих административных структур, и ставил на первое место «политику специалистов», профессионально подготовленных для выполнения своих обязанностей.

Публикации о законах Советской России (1919 г.)

Газета «Мэйчжоу пинлунь», которую учредили в декабре 1918 г. Чэнь Дусю и Ли Дачжао, стала влиятельным выразителем политических воззрений «Движения за новую культуру». Вплоть до выхода номера 25, датированного 8 июня 1919 г., редактором издания был Чэнь Дусю. После того, как 11 июня его арестовали, а Ли Дачжао был вынужден уехать из Пекина, начиная с номера 26 главным редактором стал Ху Ши. Бэйянские власти закрыли газету по политическим соображениям 30 августа, последний номер 37 был датирован 31 августа 1919 г.

Чэнь Дусю и Ли Дачжао снискали репутацию сторонников социалистической идеологии, в то время как Ху Ши был приверженцем западного либерализма и прагматизма. Однако начиная с номера 28 на страницах «Мэйчжоу пинлунь» появилась серия из пяти статей Чжан Вэйцы о законах Советской России. Эти публикации были объективны, их автор демонстрировал интерес и даже симпатию к решениям большевиков.

Первая статья рассматривала содержание Конституции России, принятой в 1918 г. на 5-м Съезде Советов⁷. Чжан Вэйцы отметил, что среди появившихся после завершения Первой мировой войны многочисленных новых конституций европейских стран «конституция России обладает наибольшей ценностью для исследования, поскольку эта конституция основана на многих новейших законах политической организации и новейших идеях политической философии»⁸. Основной закон передал в собственность государства всю частную собственность (землю, леса, недра, водные ресурсы, сельхозорудия, банки). Всем производством и транспортом управляют непосредственно трудящиеся.

Новое государственное устройство России Чжан Вэйцы охарактеризовал как очень рыхлую федерацию, из которой местные власти могут выйти по собственному усмотрению: «Поэтому права всех местных властей в России очень большие, в других федеративных государствах подобного нет»⁹. Он отметил, что в США или в Швейцарии споры между центральной властью и местными органами решает центральная власть, правила вступления в федерацию устанавливает центральное правительство. Однако в России главные полномочия переданы в руки местных советов, комитетов представителей промышленности, армии и других отраслей, которые имеют право в любое время прервать отношения с центром.

Китайский автор подробно рассказал о системе представительства на выборах в советы, о механизме Всероссийского съезда советов, о предусмотренных в Конституции гарантиях свобод вероисповедания, слова, собраний и т.д. Чжан Вэйцы также отметил, что хотя народу России даны широкие права и свободы, следует обратить внимание на отсутствие по сравнению с современными конституциями Европы и Америки четких норм суда, вынесения приговора и наказания, а также защиты частной собственности. В завершение были перечислены категории людей, не имеющие права участия в выборах (эксплуататоры, неработающие и т.д.). На этом изложение основного закона обрывалось без обобщения и выводов.

С рассуждений о важности изучения политической жизни послереволюционной России открывается следующая статья, излагающая содержание вступившего в силу в 1918 г. закона о земле¹⁰. Чжан Вэйцы подчеркивал, что в России нет анархии, а правительство действует на основании законов. «Очень многие люди, когда слышат слово “Россия”, ощущают необычайный страх, потому что Россия является местом появления идеологии “большевиков”, страшатся, что эта идеология распространится на весь мир и приведет его в беспорядок. Почти все рассматривают Россию как общего врага народов мира. Какая ситуация внутри России, что за идеология большевизм, наверное, из десяти людей, боюсь, не найти и одного, кто бы понимал». Чжан Вэйцы пояснил, что рассказал в предыдущем номере «Мэйчжоу пинлунь» о Конституции России ради того, «чтобы все узнали, что Россия вовсе не является местом без правительства, в ее новой конституции

на деле есть несколько новейших законов политической организации, если эксперимент будет удачным, то в будущем, возможно, другие государства будут подражать»¹¹.

Согласно Конституции в России политические права находятся только в руках работающего народа, а «группы от промышленности» (*гунье туаньти*) стали основой парламентского представительства. Эти два аспекта российского законодательства, по мнению Чжан Вэйцы, обладают наибольшей ценностью для исследования. В них содержится признание того, что корнем экономики современного государства является труд, а также стремление взаимно соединить политическую организацию и реальную организацию общества. Сходные цели преследуют рабочие партии в других странах. «Вне зависимости от того, поддерживаем мы или нет эту идеологию, мы не можем не признать, что эта новая форма политической мысли побуждает нас заново оценить предшествующую политическую мысль, посмотреть есть ли у нее ценность»¹².

Китайский автор подчеркнул, что его целью было рассказать о том, как Россия поступила с земельным вопросом, который не решили в других странах. Он подробно пересказал положения закона, излагающие права землепользования, механизм наделения землей через местные советы, перечислил коэффициенты для определения размера земельного надела в соответствии с полом и возрастом человека, а также основания для аннулирования прав пользования.

Чжан Вэйцы заявил, что новый закон России о земле невозможно сразу оценить как хороший или плохой, нужно дождаться результатов его применения, и лишь после этого можно будет сказать «справедливые слова». «Однако мы должны понимать, что самое несправедливое дело в мире — это священная неприкосновенная система частной собственности. Почему родившиеся в бедной семье всю жизнь работают на других людей как лошади и коровы, а наестся и согреться не могут? Почему родившиеся в богатой семье могут не работать и быть сытыми всю жизнь? Это несправедливое дело, обычные люди не смотрят на него открытыми глазами и не думают об этом, они считают, что это беды других людей, привыкли видеть их, считают их естественными и должными. В законе России о земле много несоответствующего, естественно много жестокого, но это жестокое может заставить большинство людей подробнее поразмыслить о нынешнем общественном строе, хотим ли мы защищать несправедливые дела или хотим найти способ улучшения (*гайлян гайлян*)?»¹³. Эта фраза подсказывает, что Чжан Вэйцы осуждал несправедливость для того, чтобы реформаторскими методами решить накопившиеся в Китае проблемы, не допустив революционного взрыва.

Третий текст рассказывал о новых законах России о браке и о разводе¹⁴. Несмотря на относительно малую политическую значимость, статья была помещена на первой странице «Мэйчжоу пинлунь». Чжан Вэйцы поведал, что закон о браке в России очень простой, в нем всего шесть пунктов, в которых нет «новых странных правовых принципов». И все же разница есть. В Европе и Америке бракосочетание проводят в церкви, а если это происходит не в церкви, то в качестве свидетеля должен присутствовать священник. Это церковный брак, который практиковали в России до революции. Однако после революции влияние церкви было полностью устранено, теперь в России для бракосочетания священник не требуется.

Еще одна особенность касается статуса внебрачных детей. По словам Чжан Вэйцы, за исключением Японии, ни в одной другой стране им не дают полные права. Он назвал подобный подход несправедливым и неморальным, поскольку общество необоснованно переносит на детей свое осуждение поступков родителей. В российском законодательстве внебрачные дети по отношению к родителям и родители по отношению к ним обладают теми же правами и обязанностями, что и в случае детей, рожденных в браке.

В статье также была охарактеризована процедура развода в России, которая, по мнению автора, проще, чем в других странах. Наиболее примечательна заключительная фраза: «Эти два закона были обнародованы после создания правительства Ленина.

Можно видеть, что зарубежные слухи об обобществлении женщин в России являются полностью бесосновательными разговорами¹⁵.

Именно на этот вывод сослался Ли Дачжао в ходе полемики с Ху Ши о соотношении между практическими проблемами и идеологическими «измами», когда призывал уделить больше внимания объективному изучению большевизма и ситуации в России: «Опубликованные недавно господином Вэйцы в нашей газете конституция России, закон о земле, закон о браке и др. дают нам большой материал для изучения русских событий и еще раз подтверждают, что разговоры о национализации женщин большевистским прательством не имеют под собой никакой почвы»¹⁶.

Ли Дачжао упомянул первые три публикации Чжан Вэйцы, за ними последовали еще две. В номере 31 «Мэйчжоу пинлунь» вышла статья об отмене системы наследования в России, излагавшая принятый в апреле 1918 г. декрет¹⁷.

В стране, где ликвидирован строй частной собственности, прежний институт наследования сохранить не мог. Чжан Вэйцы рассказывал, что по новому закону в России после смерти владельца любое движимое и недвижимое имущество переходит в собственность государства. Исключение делается лишь если остаются неработоспособные, несовершеннолетние или престарелые члены семьи, расходы на их содержание могут быть взяты из наследства.

Китайский автор напомнил, что в Европе и Америке многие экономисты и политики считают институт наследования крайне несправедливым. До Первой мировой войны звучали предложения его полной отмены, альтернативой этой радикальной инициативе стало введение во многих западных странах налога на наследство. Чем больше наследство, тем больше налог, который также возрастает для наследников из числа дальних родственников. «Поэтому принцип налога на наследство не в том, чтобы полностью обобществить наследство, а направлен на то, чтобы часть наследства передать обществу (*гунцзя*)»¹⁸.

Рассуждения о том, что отмена системы наследования приведет к тому, что люди бросят работать и копить деньги, Чжан Вэйцы считал несостоятельными. Многие вынуждены работать для того, чтобы прокормить себя. Те, кто стремится к творческой самореализации или славе, кто получает от работы радость, будут трудиться и в том случае, если не смогут передать богатство потомкам. «Эта революция в России целиком была социальной революцией, их основная цель в желании полностью отбросить все несправедливые неморальные дела в современном обществе, заново перестроить и создать новое общество. Система наследования стала примером отбрасывания. Россия — это очень хорошая политическая испытательная площадка (*чжэнчжи шианьчан*), нужно смотреть на результаты опробования нового закона»¹⁹.

Заключительная статья дала краткую характеристику закону о банках²⁰. Новая власть в России передала банковское дело в ведение государства, это было сделано в интересах обычных людей, страдавших от спекулятивных и грабительских действий частных банков. Владельцами банков были крупные капиталисты, они накопили много денег, после национализации банков они бежали за границу и живут там как богатеи. Однако помимо них у банков было много мелких вкладчиков, которые жили на эти деньги. В России о них подумали и провозгласили защиту интересов мелких вкладчиков. Благополучие многих людей зависит от банковской сферы, однако банкиры нацелены на извлечение прибыли для себя и об интересах народа не думают, их деяния зачастую противоречат интересам общества. В этой ситуации правительство не может позволить им действовать свободно и заставлять людей терпеть трудности. Поэтому во всех странах есть очень подробные законы о надзоре за банковской деятельностью и защите интересов вкладчиков. «Новый закон России о банках еще на шаг вперед продумал способ коренного решения проблемы, превратил банк в государственный орган, чтобы тот помышлял о счастье для народа всей страны, а не о прибыли одного-двух капиталистов»²¹.

С.Л. Рыкова в своем исследовании сосредоточила внимание на статье Чжан Вэйцы о законе о земле: «Сведения об Октябрьской революции и первых декретах Советской власти в «Мэйчжоу пинлунь» носили главным образом информационный характер. Но само их опубликование имело несомненно большое значение, так как давало объективную картину происходивших в России событий, помогало опровергать враждебные слухи»²².

Близкие аргументы можно найти в китайских публикациях 1980-х годов, когда перед учеными стояла задача избавить оценку деятельности «Мэйчжоу пинлунь» от остаточного влияния проводившейся после образования КНР кампании по критике Ху Ши. Эта инерция побуждала считать вышедшие под его редакцией номера газеты проникнутыми «буржуазным формализмом» и наполненными «чисто научным изложением». Подобный подход обесценивал важное просветительское значение статей о законах Советской России. «Нет сомнения, что он [Чжан Вэйцы], как и Ху Ши, подчеркивал движение Китая по пути реформизма, чтобы превратить Китай в буржуазную республику, однако он обращался к опыту социалистической России. Объективно это еще раз ясно показывает, что китайской революции обязательно нужно было двигаться по пути Октябрьской революции в России, демонстрирует неизбежность исторической тенденции перехода к социализму, с силой опровергает измышления реакционной пропаганды империализма о том, что рабоче-крестьянская власть в России убивает людей, поджигает имущество и обобществляет жен»²³.

Авторитетный исследователь истории распространения марксизма в Китае Тань Минь отметил, что публикации «Мэйчжоу пинлунь» о законах Советской России расширили кругозор китайцев и способствовали устранению непонимания. Эти статьи произвели заметное воздействие, последующие китайские публикации о советских законах находились под влиянием материалов «Мэйчжоу пинлунь» или были их перепечаткой. Ученый отметил, что поначалу газета проявила анархистский уклон и с этой позиции стремилась размежеваться с большевиками, однако к откровенной враждебности не пришла, и временами с позиции попутчика распространяла пропагандистские материалы о Советской России. Вплоть до момента закрытия позиция газеты эволюционировала, она пришла в лагерь тех, кто раскрывал подлинный облик Советской России. «Мэйчжоу пинлунь» направляла общественное мнение в Китае от внимания к Советской России к вниманию к марксизму, в этом ее заслуги нельзя преуменьшать²⁴.

Еще одним вкладом Чжан Вэйцы в распространение информации о ситуации в России на страницах периодических изданий «Движения за новую культуру» стал перевод с английского языка для журнала «Синь циннянь» статьи «Советское правительство России»²⁵. Текст был издан в журнале вместе с другими материалами под рубрикой «Исследование России».

Первоисточником была опубликованная весной 1920 г. статья, которую написали в соавторстве два профессора Висконсинского университета — социолог Эдвард Олсворт Росс и родившийся в Польше экономист Селиг Перлман²⁶. Они рассказали, как организована система Советов снизу доверху и как осуществляются выборы в Советы. Авторы попытались сопоставить систему власти в России с американской политической практикой, они также привели сведения об истории революционного движения в России. Росс и Перлман отметили, что большевики отвернулись от демократии, а система Советов дает их партии возможность постоянного пребывания у власти. В заключение они поставили вопрос о том, сможет ли советская система, опирающаяся на работников физического труда, способствовать продвижению во власть профессионально подготовленных экспертов. Хотя речь идет о переводе, а не об авторской публикации, этот текст мог стать первым шагом к разочарованию в советском опыте, поскольку Чжан Вэйцы разделял либеральные ценности и возлагал большие надежды на решение китайских проблем при помощи привлечения к государственному управлению квалифицированных специалистов.

Размышления о России в период НЭПа (1925–1926 гг.)

В первой половине 1920-х годов публикации Чжан Вэйцы были сосредоточены на вопросах политической демократии в западных странах. Возвращение к проблемам России и коммунистической идеологии произошло осенью 1925 г., когда Чжан Вэйцы присоединился к разгоревшейся на страницах «Чэньбао фукань» дискуссии об отношении к Советской России.

Чжан Вэйцы поделился личными впечатлениями от посещения в американском штате Айова религиозной общины Амана, основанной в середине XIX в. переселенцами из Германии²⁷. Рассказ о жизни Амана позволил подчеркнуть, что затворническая жизнь «коммунистической» общины мало похожа на деятельность российской компартии по пропаганде своей идеологии и политики. Идеалы общины основаны на Библии, а не на марксизме и тем более не на «радикализме» Ленина. Чжан Вэйцы заявил, что «строй коммунизма» (*гунчань чжиду*) нельзя приравнивать к пролетарской диктатуре и действиям бедняков по переделу имущества богачей. «Подлинный коммунизм это очень высокий идеал, его цель состоит в разрушении всяческих несправедливостей в обществе, осуществлении справедливого строя. Каждый человек всеми силами делает в этом обществе дела, получает по потребности для использования вещи из общего имущества, это идеальный коммунистический строй»²⁸. Китайский автор пришел к выводу, что успех подобного строя невозможен без людей, способных к самопожертвованию ради общества и отказу от личной выгоды — однако за несколько лет таких людей воспитать невозможно.

Тема взаимосвязи коммунизма и религиозности получила развитие, когда Чжан Вэйцы опубликовал перевод статьи экономиста Джона Мейнарда Кейнса о Советской России. Ее изначальным названием было «Что такое коммунистическая вера?»²⁹. Кейнс охарактеризовал ленинизм как «сочетание религии и бизнеса», подчеркнув, что в этом учении нет ничего «сверхъестественного», и вместе с тем в его сердцевине есть нечто затрагивающее будущее всего человечества.

Под предисловием к публикации стояла подпись «журналист» (*цзичжэ*): это мог быть сам Чжан Вэйцы или редактор «Чэньбао фукань» Сюй Чжимо. В нем было отмечено, что после Первой мировой войны Кейнс стал самым знаменитым экономистом во всей Европе, его книга об экономических последствиях Версальского мира стала сбывшимся пророчеством. В статье о Советской России наблюдения Кейнса «не только обладают ценностью, но также интересны». Автор предисловия продемонстрировал информированность, упомянув о недавней женитьбе Кейнса на русской балерине. Однако гипотеза о том, что супруга помогла ему прочитать книги на русском языке, поскольку Кейнс не был в России, оснований не имела. Как раз в 1925 г. вместе с женой Л.В. Лопуховой он посетил Россию³⁰, после чего написал несколько статей, одна из которых была переведена в Китае.

После перевода Кейнса Чжан Вэйцы высказал собственные взгляды на Советскую Россию³¹. Он напомнил о вышедшей вскоре после русской революции книге американского политического активиста Джона Спарго «Россия как американская проблема»³². Это предупреждение появилось несмотря на то, что США и Россия удалены друг от друга, между ними нет глубоких исторических связей, и в обозримом будущем возможность влияния на США со стороны русского «радикализма» невелика. Тем временем в Китае «проблемой России» не интересовались, хотя «искусные слова» Москвы в области внешней политики заставили небольшую часть китайцев поверить в то, что Россия является другом, который поможет Китаю сопротивляться агрессии других государств.

Китайский политолог разделил панические настроения по поводу сотрудничества Гоминьдана с Россией, которые в тот период охватили часть пекинской интеллигенции. «Сейчас Гуандун на юге уже почти под влиянием русских, почти уже можно считать, что стал красным, в будущем, если по несчастью на севере неважно какая часть по-

падет под влияние русских и станет красной, эти две головы красной силы очень просто окружают нашу центральную часть, не смогут не переварить ее. На этом уровне действительно величайшая угроза»³³.

По словам Чжан Вэйцы, прежде всего внутренняя политика России способна оказать влияние на Китай. Ученый заявил, что «красная идеология» (*чисэчжуи*) — это не проблема вражды или дружбы с Советской Россией, она не сводится к абстрактным принципам. На первое место следует поставить изучение экономической организации советского общества и жизни народа. История России за восемь лет после революции, по его мнению, позволяет извлечь в этой сфере немало полезных уроков.

Китайский автор преподнес практику НЭПа как очевидное свидетельство отступления от изначально провозглашенной коммунистической идеологии. По его словам, в результате революции в России к власти пришли идеалисты, которые черпали знания об экономике и обществе из книг. Их понимание «материалистического взгляда на историю» сводилось к тому, что рабочие будут трудиться на заводах без зарплаты, а крестьяне станут растить пшеницу, чтобы подарить ее государству. Лишь после того, как в экономике наступил хаос и начался голод, власти поменяли политику и в марте 1921 г. ввели НЭП. «Хотя эта новая экономическая политика и не является полным восстановлением прежнего капиталистического строя, осталось непонятным, насколько отдалилась она от марксистского учения, которому поначалу поклонялись как непреложной истине. После этого всем работникам начали выдавать зарплату по разряду, частная коммерция признана законом, вся экономическая ситуация стала развиваться не по принципам коммунизма»³⁴.

Чжан Вэйцы сослался на пример Шаляпина, которого «русские любят еще больше, чем китайцы Мэй Ланьфана». Певец отказался выступать за зарплату обычного рабочего, запугать его не удалось, и в итоге правительство выполнило его требования высокого вознаграждения, нарушив тем самым «требования коммунизма». Однако «самый большой провал русской коммунистической системы» произошел в отношениях с крестьянами. Попытки изменить деревню через комитеты бедноты, обобществление имущества и изъятие продукции привели к встречной реакции. Крестьяне в России перестали обрабатывать землю и подняли восстание.

Слова Ленина о необходимости признать экономические требования середняка Чжан Вэйцы истолковал как официальную констатацию поражения коммунистической системы. Он указал, что принятый в России в октябре 1922 г. новый закон о земле сохраняет государственную собственность на землю, но при этом «устраняет различные коммунистические эксперименты». Крестьяне получили землю в пожизненное пользование, они отдают властям лишь определенную часть урожая. «Правительство Советской России в отношении крестьян приняло идеологию невмешательства, красные силы есть только в городах. В деревне в России уже нет системы коммунизма»³⁵.

Политолог предположил, что в будущем власти России могут попытаться ввести какой-нибудь «новый НЭП». Вывод состоял в том, что в отношении таких лидеров и такой политики Китай не может занимать позицию стороннего наблюдателя, нужно постоянно обращать внимание на их действия и политику, «рассматривать Советскую Россию как проблему нашего Китая».

Эти аргументы были развиты и подкреплены статистическими данными в статье, которая вышла в свет весной 1926 г. в журнале «Дунфан цзачжи»³⁶. Тезис о том, что НЭП означает провал «политики коммунизма», остался неизменным. Чжан Вэйцы напомнил, что компартия ставила целью изменить в соответствии с учением марксизма экономическую жизнь России, уничтожить старый капитализм и создать новый коммунизм. При таком строе трудящиеся не эксплуатируют, они занимают самое высокое место в экономике, производство и распределение осуществляются в соответствии с их интересами, они могут «вечно наслаждаться счастьем святости труда». Однако прошло не-

сколько лет, трудящиеся в рай так и не попали, а большинство населения России оказалось в аду, что вынудило правительство изменить политику и провозгласить НЭП.

Повторив с опорой на цифры прежние рассуждения о крахе коммунистической политики в деревне, Чжан Вэйцы указал еще и на провал курса на создание крупных государственных промышленных предприятий. Он выразил надежду, что эти неудачи послужат уроком для народов других стран, где интересуются коммунизмом. Исследователь отметил, что политика НЭПа помогла оживить экономику, но привела к новым трудностям: важные отрасли промышленности оказались на грани банкротства, рост рыночных цен на продовольствие заставляет власти закупать зерно в Канаде. Возникли новые проблемы в отношениях города и деревни, крестьяне хотят получить право участия в политике, в России возникает новый средний класс, обладающий собственным сознанием и запросами. «Правительство Советской России на самом деле ничего не может поделать с исходящими с разных сторон требованиями. Компартия в будущем, возможно, еще раз уступит и будет проводить новый НЭП. Однако в настоящее время правительство Советской России еще не признало провал НЭПа»³⁷.

Чжан Вэйцы собрал большое количество материалов о советской экономике и сделал трезвые выводы о том, что НЭП не привел к полной реставрации капитализма, а правящая компартия не собирается отказываться от власти. Он обнаружил неустойчивость советской экономики в условиях НЭПа и предсказал скорое появление «нового НЭПа». В это время СССР действительно уже готовился к провозглашению «новой новой экономической политики», содержанием которой стало принятие пятилетнего плана, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства.

Чтобы разобраться в причинах революции, Чжан Вэйцы обратился к сравнительному исследованию классово-структуры царской и советской России³⁸. Он не скрывал, что видит в среднем классе опору общества и главную силу сопротивления «радикализации» Китая. В Западной Европе среднему классу принадлежит заслуга перехода от абсолютизма к демократии, после Первой мировой войны Западная Европа не стала «красной» потому, что у среднего класса была способность сопротивления. Тем временем победа революции в России была обусловлена тем, что у среднего класса не было авторитета в обществе.

По мнению Чжан Вэйцы, после февральской революции 1917 г. власть в России перешла к среднему классу, однако капиталисты заботились лишь о собственных выгодах и не смогли объединить усилия ради общих интересов. При советской власти коммунизм потерпел поражение не только в производстве, но и в распределении, что породило массовую спекуляцию и появление «тайного капитализма». Возникший в условиях НЭПа «новый средний класс» отличается решительностью и отсутствием моральных принципов, правительство его не защищает, а народ видит в нем нуворишей и грабителей. Эти люди признают советский строй, но на деле хотят его изменить и легализовать награбленное. Возможно, в будущем они смогут реорганизовать экономический строй России, однако в тогдашней ситуации Чжан Вэйцы не нашел у нэпманов «конструктивного потенциала» и приписал им мечту о переходе России от радикализма к бонапартизму. Помимо «тайных капиталистов», китайский автор рассмотрел положение советских «тайных владельцев недвижимости», бюрократии, бывшей аристократии, рабочих и крестьян. Он заявил, что без понимания этих перемен невозможно уяснить политику Советской России и, тем более, понять что такое «покраснение» (*чихуа*).

Современные китайские исследователи полагают, что участие Чжан Вэйцы в инициированной редактором «Чэньбао фукань» Сюй Чжимо дискуссии о «вражде к России и дружбе с Россией» «не может повлиять на его заслуги в распространении социалистической мысли в Китае». Будучи известным и влиятельным ученым, он опубликовал в газетах большое количество статей о социализме, «несомненно, это в очень большой степени способствовало распространению социалистической мысли в Китае»³⁹.

* * *

Эволюция взглядов Чжан Вэйцы служит иллюстрацией специфики китайского либерализма. Переход от похвал в адрес советских законов к рассуждениям о НЭПе как свидетельстве провала «коммунистической системы» был построен на признании легитимности стремления к преодолению социальной несправедливости и сожалении о том, что провозглашенные русскими революционерами возвышенные идеалы оказались недостижимыми. «Неудача» советского эксперимента не привела ученого к признанию легитимности имущественного неравенства и восхвалению рыночной экономики. Два десятилетия спустя, во второй половине 1940-х годов, мечта о демократическом и вместе с тем справедливым устройстве общества заняла центральное место в китайских общественно-политических дискуссиях.

Н.Л. Мамаева отмечает, что в начальный период развития «Движения за новую культуру» как социалистическое, так и прозападное течение в китайской политической мысли не были четко сформированы и не имели планов действий. Открытость внешнему миру и интерес китайских интеллектуалов к происходящему за рубежом проложили путь «как усилению в Китае влияния западного мировоззрения и общественно-политической практики, то есть вестернизации, так и изучению и распространению идеи научного социализма»⁴⁰.

Пример Чжан Вэйцы показывает, что социалистическое и вестернизаторское течения пересекались друг с другом. В 1919 г. он хвалил Советскую Россию за то, что она радикально решила проблемы неравенства, о которых до этого много и без большого успеха говорили на Западе. В 1925 г. он вступил в дискуссию о России в роли алармиста, призвавшего изучать «проблему России» как самую актуальную для Китая тему. Он рекомендовал воздержаться от «высокопарных суждений» и бесконечных политических споров о том, является Россия другом или врагом Китая. По его мнению, ответить на этот вопрос могут лишь ученые, которые владеют русским языком и бывали в России, способные смотреть на Россию взвешенно, спокойно и объективно.

Подход Чжан Вэйцы испытал заметное влияние эксперименталистского мировоззрения Ху Ши. Об этом свидетельствуют присутствующие в публикациях 1919 г. о законодательстве Советской России неоднократные упоминания о том, что судить об эффективности новых законов можно будет лишь на основании практики. В ходе дискуссии 1925 г. о «вражде к России и дружбе с Россией» Чжан Вэйцы и Сюй Чжимо заняли настороженную критическую позицию. Примечательно, что краткое пребывание в СССР летом 1926 г. произвело на Ху Ши благоприятное впечатление. Тогда он написал Чжан Вэйцы и Сюй Чжимо несколько писем, в которых убеждал их признать правомерность «великого политического эксперимента» в СССР и указывал на безосновательность шумного спора о «борьбе с покраснением» Китая⁴¹.

Молодой политолог Чжан Вэйцы, вернувшийся в Китай после учебы в США в 1917 г. на волне подъема «Движения за новую культуру», проявил серьезный интерес к ситуации в революционной России. Этот феномен не был уникальным. «Россия, долгое время воспринимавшаяся в Китае как отсталая в культурно-идеологическом отношении страна, родила идеи, изучение и анализ которых китайские интеллектуалы сочли целесообразными в надежде использовать их для развития страны»⁴².

И все же Чжан Вэйцы больше интересовался практикой реконструкции общества, чем идеями ленинизма. Его интересовала возможность использования иностранного опыта в Китае, и примером России он не ограничивался. Ученый внимательно следил за происходившим в Веймарской Германии, в частности, его очень привлекал немецкий опыт создания с участием капиталистов и представителей профсоюзов Экономического совета, участвующего в предварительном обсуждении экономических решений правительства. Его интерес к важности роли среднего класса как стабилизатора

общества также опирался на опыт Западной Европы, тогда как Россия в этом отношении выступала как негативный пример радикализма. Однако мечта ученого о создании в республиканском Китае сильного среднего класса оказалась неосуществимой утопией.

1. Рыкова С.Л. «Мэйчжоу пинлунь» об итогах Первой мировой войны и об Октябрьской революции // Китай: поиски путей социального развития (из истории общественно-политической мысли XX в.). М., 1979. С. 106, 108; *Ли Дачжао*. Избранные произведения. Пер. с кит. М., 1989. С. 198.
2. Китайские авторы указывают, что в период реформ исследователи увлеклись изучением Ху Ши, а Чжан Вэйцы стали воспринимать лишь как его соученика и друга, но не как политолога, обладавшего собственными воззрениями. Второй причиной могло стать переиздание в издательстве «Цзилинь жэньминь чубаньшэ» в 2001 и 2011 гг. выполненного Чжан Вэйцы перевода книги Брайса «Современные демократии», благодаря чему к ученому стали относиться как к переводчику иностранной научной литературы. См.: *Ван Сяньминь*. Чжан Вэйцы: Оу Мэй чжэн-чжисюэ цзаоци дайбяо: [Чжан Вэйцы: ранний представитель европейской и американской политологии] // Чжунго шэхуэй кэсюэ бао. 24.04.2014. URL: http://www.cssn.cn/xspj/xspj_yw/201504/t20150427_1603227.shtml (дата доступа: 05.06.2017).
3. Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы цзюань /Ли Юань бянь: [Библиотека китайских мыслителей нового и новейшего времени. Т.: Чжан Вэйцы / сост. Ли Юань]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2015.
4. Подробнее о дружбе и сотрудничестве двух китайских либералов см.: *Чжи Сяоминь*. Ху Ши хэ тадэ пэньюэнь (цзэн бу бэнь): [Ху Ши и его друзья (доп. изд.)]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2010. С. 242–269.
5. *Ломанов А.В.* Эволюция китайского либерализма в 20–30-е годы XX века: интеллигенция и власть // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 28–32.
6. Даоянь: [Введение] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 3.
7. *Чжан Вэйцы*. Эго дэ синь сяньфа: [Новая конституция России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 1–4. (Опубликовано в «Мэйжоу пинлунь». № 28, 20 июня 1919 г.)
8. Там же. С. 1.
9. Там же. С. 2.
10. *Чжан Вэйцы*. Эго дэ тудифа: [Закон о земле России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 5–9. (Опубликовано в «Мэйжоу пинлунь». № 29. 6 июля 1919 г.)
11. Там же. С. 5.
12. Там же.
13. Там же. С. 8–9.
14. *Чжан Вэйцы*. Эго дэ хуньин чжиду: [Система брака в России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 10–11. (Опубликовано в «Мэйжоу пинлунь». № 30. 13 июля 1919 г.)
15. Там же. С. 11.
16. *Ли Дачжао*. Еще раз о конкретных проблемах и «измах» // Ли Дачжао. Избранные произведения... С. 198. (Опубликовано в «Мэйчжоу пинлунь». № 35. 19 августа 1919 г.)
17. *Чжан Вэйцы*. Эго ичань чжиду дэ фэйчжи: [Отмена системы наследования в России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 12–14. (Опубликовано в «Мэйчжоу пинлунь». № 31. 20 июля 1919 г. На первой странице этого номера увидела свет судьбоносная для развития «Движения за новую культуру» статья Ху Ши с призывом «больше говорить о проблемах и поменьше говорить об “измах”»).
18. Там же. С. 13.
19. Там же. С. 13–14.
20. *Чжан Вэйцы*. Эго дэ синь иньханфа: [Новый закон России о банках] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 15. (Опубликовано в «Мэйжоу пинлунь». № 32. 27 июля 1919 г. В отличие от предыдущих статей, подписанных *Вэйцы*, здесь указан псевдоним *Синь*).
21. Там же.
22. *Рыкова С.Л.* Указ.соч. С. 108–109.

23. *Чжан Дэван*. Лунь Ху Ши цзе бянь хоу «Мэйчжоу пинлунь» дэ чжэнчжи фансян: [Политическое направление «Мэйчжоу пинлунь» после вступления Ху Ши в должность главного редактора] // Бэйфан луньцун. 1987. № 5. С. 110.
24. *Тань Минь*. 1917–1919: Макэсычжуи цзинцисюэ цзай Чжунго дэ чуаньбо цимэн: [1917–1919: Просветительское распространение марксистского экономического учения в Китае]. Шанхай: Шанхай цайцзин дасюэ чубаньшэ, 2016. Т. 1. С. 520–521.
25. [Ross, Perlman]. Элосы сувэйай чжэнфу: [Советское правительство России] // Синь циннянь. 1920. Т. 8. № 1.
26. Ross E.A., Perlman Selig. Soviet Government in Russia // American Political Science Review. 1920. Vol. 14. Issue 2. P. 317–323.
27. *Чжан Вэйцы*. Амана — и гэ шиянь гунчань чжиду дэ шэхуэй: [Амана — общество, которое пробует коммунистический строй] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 212–216. (Опубликовано в «Чэньбао фукань». 29 окт. 1925 г.).
28. Там же. С. 212.
29. *Кэйньсы*. Лунь Су Э: [Кейнс. О Советской России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 217–222. (Опубликовано в «Чэньбао фукань». 4 нояб. 1925 г.) См. также: *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007. С. 914–919. (Сер. Антология экономической мысли).
30. *Макашева Н. А.* Дж.М. Кейнс и Россия: обнадеживающее начало несостоявшегося диалога // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 108–121.
31. *Чжан Вэйцы*. Во е лай таньтань Су Э: [Я тоже поговорю о Советской России] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 223–227. (Опубликовано в «Чэньбао фукань». 12 нояб. 1925 г.)
32. *Spargo John*. Russia as an American Problem. NY: Harper & Brothers, 1920.
33. *Чжан Вэйцы*. Во е лай таньтань... С. 224.
34. Там же. С. 226.
35. Там же. С. 227.
36. *Чжан Вэйцы*. Су Э чжэнфу дэ цзинцзи чжэнцэ: [Экономическая политика правительства Советской России] // Дунфан цзачжи. 1926. Т. 23. № 9. С. 9–23.
37. Там же. С. 23.
38. *Чжан Вэйцы*. Эго гэмин цянь хоу шэхуэй цзецзи чжуанкуан дэ бяньцянь: [Изменение положения общественных классов в России до и после революции] // Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку. Чжан Вэйцы... С. 274–284. (Опубликовано в «Дунфан цзачжи». 1926. Т. 23. № 4).
39. *Гао Фули*. Миньго сюэжэнь дуй шэхуэйчжуи сычао чуаньбо дэ гунсянь — и чжэнчжисюэцзя Чжан Вэйцы вэй ли: [Вклад ученых республиканского Китая в распространение социалистической мысли — на примере политолога Чжан Вэйцы] // Хэбэй миньцзу шифань сюэюань сюэбао. 2014. № 4. С. 33.
40. *Мамаева Н.Л.* Россия и начальный период «Движения за новую культуру» в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 127.
41. *Ху Ши*. Оу ю дао чжун цзи шу: [Письма из путешествия по Европе] // Ху Ши вэньцзи: [Собрание сочинений Ху Ши]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1998. Т. 4. С. 41–50.
42. *Верченко А.Л.* Восприятие России в Китае накануне и в первые годы «Движения за новую культуру» // Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы Всероссийской науч. конф. (Москва, 17–18 февраля 2016 г.) / Центр изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 175.